
Как Н.К. Гирс возглавил Министерство иностранных дел Российской империи

Андрей Мамонов

How N.K. Girs headed the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire

Andrey Mamonov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870012936-0

Обстоятельства отставок и назначений ключевых фигур, влиявших на политику великих держав, вызывают у историков вполне оправданный интерес. В них так или иначе проявлялись характерные черты различных политических режимов и административных механизмов с присущей им системой отбора лиц, которые затем уже придавали тот или иной оттенок соответствующим институтам и их деятельности. Вместе с тем при этом обнаруживалось и значение, порою решающее, множества ситуативных, субъективных и просто случайных факторов, анализ которых позволяет судить о заданности или вариативности происходившего. Это сочетание коренного и мимолётного и заставляет всматриваться в калейдоскоп перестановок в правящих кругах. Разумеется, они не обходились без интриг и разного рода карьерных расчётов, однако всегда ли дело доходило до «ожесточённой борьбы» сплочённых группировок, отстаивавших свои «программы» и представления? И, в частности, наблюдалось ли нечто подобное при назначении Н.К. Гирса сперва управляющим Министерством иностранных дел, а затем и главой дипломатического ведомства?

В.И. Куликов справедливо уязвляет возвышение Н.К. Гирса во второй половине 1870-х гг. с упорным нежеланием быстро дряхлевшего кн. А.М. Горчакова покидать министерский пост и с соперничеством потенциальных преемников последнего канцлера Российской империи. Впрочем, следует учесть, что и прежде положение кн. Горчакова не раз казалось непрочным.

В апреле 1856 г., когда князь возглавил МИД, едва ли кто-нибудь мог предположить, что он продержится в должности более четверти века и даже переживёт Александра II. Напротив, вопреки образу, созданному в позднейшей историографии, он выглядел тогда скорее «переходной», если не «проходной» фигурой. Как известно, гр. К.В. Нессельроде оценивал способности своего преемника скептически и бесцеремонно обращался с его рекомендациями в конце Крымской войны¹. Неудивительно, что князь, в конце 1855 г. возражавший против согласия на австрийский ультиматум², остался в стороне от подготовки Парижского мира, хотя ещё недавно именно он, по личному решению императора и вопреки мнению канцлера, представлял Россию на Венских конференциях и выступал главным «миротворцем» и «переговорщиком» Петербурга. Но по окончании Восточной войны Александр II и

© 2021 г. А.В. Мамонов

¹ Князь Александр Михайлович Горчаков в его рассказах из прошлого // Русская старина. 1883. № 10. С. 168—169; Пономарёв В.Н. Финал долгой карьеры. К.В. Нессельроде и Парижский мир // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 192—193.

² Жomini А.Г. Россия и Европа в эпоху Крымской войны / Публ. К.А. Ваха и О.В. Анисимова. М., 2017. С. 555—556.

гр. А.Ф. Орлов (чьё влияние отчётливо прослеживалось в назначениях первых лет нового царствования) сочли кн. Горчакова вполне подходящим для руководства российской дипломатией. Действительно, он как никто другой мог успокоить и примирить с внешней политикой правительства тех, кто возмущался «позором» подписанного 18(30) марта трактата, его не нужно было убеждать в желательности сближения с Францией (непрерывно противостоявшей России с 1830 г.) и в справедливости «наказания» Австрии.

Любопытно, что и гр. Нессельроде убеждал князя не отказываться от предложенного ему поста. Конечно, трудно не заподозрить старого дипломата в лукавстве. Однако он, по-видимому, был искренен, когда говорил кн. Горчакову, что «теперь в России министру иностранных дел, после заключения парижского мира, совершенно нечего будет делать»³. Во всяком случае, это утверждение вполне соответствовало известной записке, составленной канцлером вместе с бароном П.К. Мейендорфом 11 февраля 1856 г. и ставшей их «политическим завещанием». В ней констатировалось, что «война вызвала для России неотлагаемую необходимость заняться своими внутренними делами и развитием своих нравственных и материальных сил. Эта внутренняя работа является первою нуждою страны, и всякая внешняя деятельность, которая могла бы тому препятствовать, должна быть тщательно устранена»⁴. Соответственно следовало изменить прежнюю «систему внешней политики», уклоняться от «всяких новых обязательств», придерживаться заключённых ранее договоров и соглашений, исключительно «соображаясь с требованиями русских интересов», и вступать в вооружённую борьбу «лишь в том случае, когда будет сознательно явствовать неуклонная необходимость или явная выгода оной для России»⁵.

Согласно «нашей новой системе», признавалось желательным «осторожное сближение с Францией», рассматривавшееся «как средство к тому, чтобы расторгнуть сплотившуюся против нас коалицию». Но идти на «положительный и тесный союз» с Наполеоном III авторы записки не рекомендовали. Более того, они напоминали, что «на почве политики всякое тесное сближение равносильно обязательству». При этом уже в 1856 г. просматривались очертания будущих кризисов, связанных со стремлением Второй империи найти себе опору «в революционных страхах или в угнетённых национальностях», а также «захватить левый берег Рейна». России это грозило осложнением ситуации в Польше и вмешательством в польские дела враждебной коалиции европейских держав, на что прямо указывалось в записке. Правда, тут же отмечалось, что «с раздела Польши между Россиею, Австриею и Пруссиею установилось взаимоохранение интересов (в оригинале: *“une solidarité d'intérêts”*. — А.М.), соблюдение коего, из этих трёх держав, наинеобходимее именно для нас», и «польское восстание послужило тому достаточным доказательством». Поэтому

³ Князь Александр Михайлович Горчаков... С. 171.

⁴ Записка канцлера графа К.В. Нессельрода о политических соотношениях России // Русский архив. 1872. № 2. Стб. 337—344. Характерно, что сам граф в 1856 г., покинув МИД, занялся как раз «внутренними делами» — погрузился в деятельность Комитета финансов, а в 1858 г. возглавил Комитет железных дорог. Управляющим делами при нём стал молодой статс-секретарь М.Х. Рейтерн, пользовавшийся, по словам его биографов, «исключительным доверием и дружбою престарелого канцлера», дожившего до назначения в январе 1862 г. своего помощника управляющим Министерством финансов (Куломзин А.Н., Рейтерн-Нолькен В.Г. М.Х. Рейтерн. Биографический очерк. СПб., 1910. С. 7). Посещал графа и А.А. Абаза — также будущий министр финансов, а в то время — начинающий делец и член правления Главного общества российских железных дорог (ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 3, с. 161).

⁵ Записка канцлера графа К.В. Нессельрода... Стб. 337—344.

авторы настаивали на том, что «политика наша в прямых интересах и России, и династии должна оставаться по-прежнему монархической и антипольской». Соответственно нужно было беречь «добрые и полезные сношения с Пруссией» и несмотря ни на что «щадить» Австрию, тогда как «более тесный союз» с Францией допускался «лишь в том случае, если бы того потребовали благоприятные обстоятельства»⁶. Руководствуясь этими соображениями, гр. Нессельроде и барон Мейендорф полагали, что «среди неопределительности отношений, какие последуют за заключением мира, немало времени пройдет, пока мы усмотрим возможность каких-либо новых политических комбинаций»⁷.

А кн. Горчакову, по замыслу его предшественника, предстояло просто пробить на видном посту в период, когда Россия была вынуждена отказаться от активной внешней политики, сосредоточившись на том, чтобы избегать несвоевременных международных конфликтов и сдерживать порывы энергичных генералов, пытавшихся как-то компенсировать болезненные поражения в Европе успехами на Кавказе и Дальнем Востоке. Император естественно их поощрял, а главе МИД надлежало присматривать, чтобы они не зашли слишком далеко и не вызвали своими победами большую войну. На столь неблагодарном поприще любой нажил бы себе врагов, в том числе в ближайшем окружении царя, и вскоре бесславно сошёл бы со сцены. Причём в условиях всплеска антинемецких настроений во второй половине 1850-х гг. для такой задачи требовался дипломат с русской фамилией из числа тех, кем император и канцлер легко бы пожертвовали в дальнейшем. Вероятно, только поэтому гр. Нессельроде, который, несмотря на резкую критику его политики в обществе, продолжал пользоваться особым уважением в царской семье⁸, смирился с тем, что его преемником будет, пожалуй, самый неприятный ему из всех возможных претендентов. При этом канцлер не скрывал от Александра II, что, наблюдая за князем 30 лет, никогда не считал его пригодным к чему-то серьёзному (*«je ne l'ai jamais trouvé bon à rien de sérieux»*)⁹. И судя по тому, что кн. Горчаков, отличавшийся крайним самолюбием и считавший себя незаслуженно обиженным и обделённым вниманием начальства при Николае I, принял министерский портфель не без колебаний, уговоров и театральных сцен¹⁰, он чувствовал в сделанном ему предложении подвох. Но устоять не смог.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Стб. 343.

⁸ В последний день своей жизни, 11 марта 1862 г., гр. Нессельроде (до конца сохранявший острый ум и самообладание) «пожелал видеть» вел. кн. Константина Николаевича, которого «благословил». При этом царский брат, отличавшийся резким характером и находившийся тогда на пике своего влияния, поцеловал руку умирающего. Не менее трогательно проходило затем и прощание с императором, хотя старик уже едва мог произнести пару слов. На панихиде 12 марта Александр II «очень плакал» (Из дневных записок Владимира Алексеевича Муханова // Русский архив. 1897. № 1. С. 63—64. См. также запись в дневнике А.А. Половцова: ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 3, с. 213—215).

⁹ Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. В 2 т. / Под ред. П.А. Зайончковского. Т. 1. М., 1961. С. 102.

¹⁰ На склоне лет кн. Горчаков рассказывал М.И. Семевскому о том, как дважды объяснялся с царём перед Пасхой: «Известно, что император Александр Николаевич говорил весьма убедительно и красноречиво. Я уступил. Но, прежде чем оставить кабинет государя, который меня обнял в знак своей признательности, я обратился с просьбою к его величеству: “Государь! Возложите на меня собственноручно крест!”. Государь отступил назад и удивлёнными глазами взглянул на меня; видимо, тень неудовольствия промелькнула по его прекрасному лицу. “Какой крест, какой крест?!” — спросил его величество. “Не звезды прошу я у Вас, а крест, буквально крест, Ваше величество. Снимите с одного из образов Ваших крест и возложите на меня. Да дарует он мне силы к поднятию того креста великих трудов, которые Вы возлагаете на меня с обязанностью министра иностранных

Во второй половине 1850-х гг. руководство сменилось практически во всех ведомствах, кроме Министерства императорского двора и Министерства юстиции. Назначенные тогда министры, как правило, принадлежали к тому же поколению, что и кн. Горчаков. По сути, это были сверстники Николая I, которые родились в 1790—1804 гг. и поступили на службу в конце 1810-х — начале 1820-х гг. Несмотря на поддержку, обещанную молодым монархом, в условиях финансового кризиса и общественного возбуждения мало кому из них удалось добиться успеха. В начале 1860-х гг. почти все они уступили свои места ровесникам Александра II. К 1863 г. из тех, кто вступил в занимаемую должность в 1850-е гг., оставались, помимо кн. Горчакова, лишь министр двора гр. В.Ф. Адлерберг и шеф жандармов кн. В.А. Долгоруков¹¹.

Однако гр. Адлерберг и кн. Долгоруков были давно и крепко связаны с императором, тогда как кн. Горчаков в 1820—1855 гг. служил за границей и не имел особого веса в Петербурге¹². Между тем среди дипломатов следующего поколения у него имелся готовый преемник — барон А.Ф. Будберг, который, по словам лорда А. Лофтуса, «был воспитан в школе гр. Нессельроде»¹³. Будучи всего на год старше Александра II, он начинал карьеру секретарём в канцелярии графа в 1842—1845 гг., а затем хорошо проявил себя во Франкфурте в период революции 1848—1849 гг., в Берлине после Ольмюца и при правительстве «новой эры», в Вене непосредственно после Крымской войны. Именно его в 1856 г. гр. Нессельроде рекомендовал назначить министром¹⁴. С 1862 г. он являлся послом в Париже. По выражению молодого чиновника архива МИД и будущего наркома Г.В. Чичерина (чей отец служил при Будберге советником посольства в Париже), барон «был боевой дипломат по преимуществу»¹⁵.

Любая ошибка могла лишить кн. Горчакова «креста великих трудов». Поэтому он сразу же занялся укреплением и расширением своих придворных связей и завоеванием популярности в обществе. Уже в апреле 1856 г. князь включился в разработку программы обучения наследника престола вел. кн. Николая Александровича, что позволило сблизиться с императрицей Марией Александровной¹⁶. Другую опору он нашёл в председателе Департамента за-

дел". Лицо государя просветлело удовольствием. Он вынес мне из соседней комнаты небольшой серебряный крестик и, возлагая на меня, сказал: "Примите это, князь. Этот крест всюду меня сопровождал. Да укрепятся Ваши силы". После слов канцлера о том, что ему «совершенно нечего будет делать», столь пафосная просьба выглядела особенно курьёзно (Князь Александр Михайлович Горчаков... С. 171—172).

¹¹ Если учитывать структуру Государственного совета, то к ним можно добавить председателя Департамента духовных и гражданских дел принца П.Г. Ольденбургского и государственного секретаря В.П. Буткова. Но оба они принадлежали как раз к поколению, выдвинувшемуся в начале 1860-х гг.

¹² Первоначально князь, служивший в 1841—1854 гг. русским посланником в Штутгарте, пользовался лишь поддержкой принцессы Вюртембергской — вел. кн. Ольги Николаевны (Дневник П.А. Валуева... Т. 1. С. 102).

¹³ Лофтус, в 1870-е гг. — британский посол в Петербурге, служил ранее в одно время с Будбергом в Берлине и считал его «наиболее способным из русских дипломатов». См.: The diplomatic reminiscences of lord Augustus Loftus. 1837—1862. Vol. 2. L.; P.; Melbourne, 1892. P. 233.

¹⁴ Дневник П.А. Валуева... Т. 1. С. 102.

¹⁵ Чичерин Г.В. Исторический очерк дипломатической деятельности А.М. Горчакова / Публ. В.Л. Телицына. М., 2009. С. 240.

¹⁶ Подробнее см.: Чернуха В.Г. Утраченная альтернатива: наследник престола великий князь Николай Александрович (1843—1865 гг.) // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX—XX веков. СПб., 1999. С. 238—239; Мелентьев Ф.И. Воспитание и образова-

конов Государственного совета (а с 1861 г. — председателе Государственного совета и Комитета министров) гр. Д.Н. Блудове, с которым в молодости служил в канцелярии гр. И.А. Каподистрии, и в близком к семейству Блудовых генерал-майоре Е.П. Ковалевском, игравшем видную роль в общественной и интеллектуальной жизни столицы, а с осени 1856 г. возглавлявшем Азиатский департамент МИД (в августе 1861 г. его сменил сын петербургского генерал-губернатора Н.П. Игнатьев, тогда как Ковалевский стал сенатором и членом совета министра иностранных дел). Товарищем министра в 1856—1861 гг. состоял И.М. Толстой, в молодости служивший по дипломатическому ведомству, но с 1838 г. находившийся при дворе наследника престола. По отзыву Д.А. Милютин, это был «человек пустой, не имевший других заслуг, кроме близости с самого детства к государю»¹⁷. Сменивший его Н.А. Муханов до того никогда не служил в МИД, но был близок к вел. кн. Ольге Николаевне. Взяв под покровительство Ф.И. Тютчева, князь мог рассчитывать на сочувствие и содействие поэта и его дочерей-фрейлин, способных влиять на настроения двора и высшего общества¹⁸. Налаживанию отношений с недовольными исходом Восточной войны славянофильскими кругами способствовало создание под эгидой МИД, с невнятным статусом, Славянского благотворительного комитета в Москве, а затем и его отдела в Петербурге¹⁹.

Вместе с тем кн. Горчаков прибегал и к гораздо более сомнительным приёмам. «В бытность мою посланником в Петербурге, — вспоминал кн. О. фон Бисмарк, — князь Горчаков, неограниченным доверием которого я в то время пользовался, давал мне читать, пока я ожидал его, ещё не распечатанные донесения из Берлина, прежде чем просматривал их сам. Я бывал порой поражён, видя из этих донесений, с каким недоброжелательством мой бывший друг Будберг подчинял задачу сохранения существующих взаимоотношений своей обиде по поводу какого-нибудь случая в обществе или даже просто желанию сообщить двору или министерству остроумную шутку о положении в Берлине». Подобная «доверительность» министра, безусловно, компрометировала русского посланника: даже если Бисмарк не сообщал о прочитанном своему начальству (его отношения с деятелями «новой эры» были не менее сложны, чем у Будберга, да и едва ли проницательный дипломат не догадывался, что им пытаются манипулировать), он никогда об этом не забывал. В глазах немецких родственников Александра II и «в старопруссских кругах Берлина», на которые Будберг ориентировался на рубеже 1840—1850-х гг., соперник кн. Горчакова и «бывший друг» Бисмарка неминуемо должен был погибнуть²⁰.

Тем временем в начале 1860-х гг. политика кн. Горчакова (пожалованного весной 1862 г., после смерти гр. Нессельроде, в вице-канцлеры), по сути, зашла в тупик. Сближение с Францией вывело Россию из изоляции, но не помогло добиться пересмотра Парижского трактата. Разгром Австрии французскими войсками, за которым в Петербурге в 1859 г. наблюдали не без злорадства, вызвал стремительное объединение Италии, сопровождавшееся падением нескольких тронов (включая дружественный России Неаполь), что при русском дворе уже

ние наследника престола в проектах В.П. Титова 1856—1858 гг. // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 1(5). С. 11—34.

¹⁷ Милютин Д.А. Воспоминания. 1865—1867 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2005. С. 353.

¹⁸ Экштут С.А. Тютчев. Тайный советник и камергер. М., 2003. С. 206—276.

¹⁹ Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858—1876 годах. М., 1960. С. 9—48.

²⁰ Бисмарк О. Мысли и воспоминания / Под ред. А.С. Ерусалимского. Т. 1. М., 1940. С. 61; Т. 2. М., 1940. С. 201—202.

не приветствовали. Осенью 1860 г. Александр II, вопреки советам кн. Горчакова, даже разорвал отношения с Туриним (в 1862 г. их пришлось восстанавливать). Монархия Габсбургов, ослабленная потерей Ломбардии и брожением в Венгрии, оказалась в состоянии финансового и политического кризиса, увеличивавшего её зависимость от западных держав и общественного мнения Германии, а также затруднявшего поддержание порядка в Галиции. Между тем всплеск национальных движений в Европе, вдохновлявшихся примером гр. К.Б. Кавура и Д. Гарибальди, незамедлительно сказался на обстановке в Царстве Польском. Кн. Горчаков всячески способствовал осуществлению там программы, намеченной гр. А. Велёпольским и фактически предусматривавшей передачу управления Польшей в руки поляков, согласных признать верховную власть российского императора, но полностью контролирующих местное законодательство, администрацию, образование, финансы и т.д. На деле это привело лишь к открытому мятежу в январе 1863 г. и удалению польского реформатора. Причём Россия вновь оказалась в одиночестве: даже Пруссия затруднялась полностью ратифицировать уже заключённую военную конвенцию, направленную против повстанцев, а Франция, Англия и Австрия поощряли их действия официальными заявлениями²¹.

В тот момент, когда демонстрация слабости могла обернуться отставкой, кн. Горчаков, ещё в марте под давлением из Парижа добившийся объявления амнистии восставшим, преобразился и решительно отклонил в своих нотах претензии европейских кабинетов на вмешательство во внутренние дела России. Его эффектная отповедь, прозвучавшая тогда, когда все ждали дальнейших уступок и обещаний, получила громкий резонанс в печати и сделала князя одним из самых популярных людей в стране. Вице-канцлер и виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьёв, жёстко подавлявший мятеж в Литве, как вспоминал Д.А. Милютин, «сделались любимцами всего русского народа, героями дня»: «И тот, и другой были осыпаны бесчисленными телеграммами, адресами, письмами, выражениями благодарности и сочувствия. Ни один официальный обед, ни одно торжество не обходились без горячих речей и тостов в честь их, а простой народ служил за их здоровье молебствия и подносил им иконы»²². Тютчев, обращаясь к князю в стихах, писал (видимо, зимой 1864/65 гг.): «Обманутой, обиженной России / Вы честь спасли, — и выше нет заслуг»²³.

Трудно было представить более странное олицетворение «национальной политики». В декабре 1863 г., как отметил в дневнике А.А. Половцов, «князь Горчаков, приобретший в последнее время страшную популярность за поддержание будто бы нашего народного достоинства, был избран в почётные члены Английского клуба». Когда 7 декабря он пришёл туда обедать, и «толпа стала внимать гласу изобретённого ею государственного мужа», ироничный слушатель отметил: «Говорил к[нязь] Г[орчаков] лучше, чем я ожидал, но тем не менее обнаружил незнание русского языка; слова у него находились, но зато падежи и наклонения беспрестанно не удавались, видно было, что он привык думать на иностранных языках и по заказу силился подбирать русские слова для выражения своих мыслей»²⁴.

²¹ Милютин Д.А. Воспоминания. 1863—1864 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2003. С. 38—138; Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30—50-е годы XIX в. М., 2016. С. 663, 694—695, 699, 714.

²² Милютин Д.А. Воспоминания. 1863—1864. С. 248—249.

²³ Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма. В 6 т. Т. 2. М., 2003. С. 133.

²⁴ ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 4, л. 38—40.

Но репутация и престиж позволили князю удержаться. 7 ноября 1864 г., упомянув о раздражении министра посла в Париже, Валуев оставил в дневнике запись: «Его значение, видимо, слабеет и досада, с которой он старается его за собою удержать, приносит ему мало пользы. Мне кажется, что он сохранит свой пост до лета. Пока императрица в пределах Франции и государь, вероятно, располагает быть в Париже, Будберг там нужен. Когда он перестанет быть там нужным, Горчаков будет здесь ненужен». Судя по всему, позднее Пётр Александрович сделал приписку: «В то время многие так думали. Но государь не легко меняет людей, к которым он привык, и скоро назначение бар[она] Будберга сделалось невозможным, потому что он немец, а кн. Горчаков сделался и отчасти постарался сделаться в глазах нашей прессы представителем русского элемента»²⁵.

Похоже, эти соображения не составляли секрета и для барона Будберга. Как бы то ни было, ещё весной 1863 г. он сближается в Париже с Н.А. Милютиным, которого, вместе с его братом, возглавлявшим военное ведомство, министром государственных имуществ А.А. Зелёным и М.Н. Муравьёвым, в середине 1860-х гг. будут относить к «русской партии» в правительстве²⁶. В начале 1865 г. барон принимал, по словам Тютчева, «самое живое участие» в защите от валуевской цензуры «Московских ведомостей» М.Н. Каткова (в то время — главного рупора «русской партии»). А 25 февраля 1866 г., сообщая из Петербурга в Москву дочери А.Ф. Аксаковой о том, что «как раз *сейчас* государь должен сделать выбор между Горчаковым и Будбергом, находящимся здесь», Тютчев отмечал: «Точно определить, в чём состоят разногласия между этими двумя господами, дело нелёгкое. Во всяком случае, тут больше личных мотивов, чем политических... Пикантной подробностью дела является сверхрусский патриотизм Будберга, не признающего никакой осмотрительности, никакого выжидания и явно стремящегося стать русским *Бисмарком*... Нет ничего страшнее русского патриотизма у немца. Это всё равно, что взбунтовавшийся трус... а между тем *необдуманные выходы* сейчас более нежели когда-либо неуместны в нашей политике, которой для достижения успеха нужно лишь понять самое себя и предоставить дело времени и силе вещей»²⁷.

Со своей стороны, кн. Горчаков постоянно противодействовал той политике, которую проводили в Польше и Западном крае Милютины, Муравьёв и их сторонники. Не случайно Муравьёв в своих «записках» со свойственной ему резкостью заявил, что «кн. Горчаков в полном смысле слова пустомеля, но имеющий, однако, желание и стремление быть русским». Признавая большое значение горчаковских нот в 1863 г. для подавления мятежа, Михаил Николаевич тем не менее констатировал, что и до, и после их автор действовал заодно с противниками «русского дела» — вел. кн. Константином Николаевичем, кн. Долгоруковым, Валуевым и др.²⁸ Весьма показательно было и то, что именно после «ожесточённой стычки» с кн. Горчаковым по церковным делам в

²⁵ Дневник П.А. Валуева... Т. 1. С. 301.

²⁶ Милютин Д.А. Воспоминания. 1863—1864. С. 137—138; Милютин Д.А. Воспоминания. 1865—1867. С. 298, 353, 573—575; Милютин Д.А. Воспоминания. 1868 — начало 1873 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2006. С. 280, 417—418. Подробнее см.: Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 111—166.

²⁷ Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений... Т. 6. М., 2004. С. 93, 131.

²⁸ «Готов собою жертвовать...». Записки графа Михаила Николаевича Муравьёва об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нём мятежа. 1863—1866 гг. / Сост. К.В. Петров. М., 2008. С. 72—74, 136—137, 165, 182—188.

Царстве Польском 20 ноября 1866 г. Н.А. Милютин перенёс тяжёлый инсульт, навсегда прекративший его государственную деятельность²⁹.

Фактически же с апреля 1866 г. кн. Горчаков становится важным ситуативным союзником нового шефа жандармов — гр. П.А. Шувалова, сразу же вступившего в борьбу с Милютиными и «русской партией». Возможно, именно это помогло 69-летнему князю, ставшему канцлером по случаю 50-летия службы, безболезненно пережить в 1867 г. громкий скандал, вызванный его ухаживаниями за своей замужней внучатой племянницей Н.С. Акинфьевой³⁰. Негодование царя выплеснулось на него зимой 1867/68 гг. в самый разгар дискуссии о принципах политики России на Востоке, затеянной министром с Будбергом и послом в Константинополе Игнатьевым, которого, как поговаривали тогда в Петербурге, императрица продвигала в министры. В итоге три дипломата сошлись на том, что необходимо действовать осторожно³¹. И тут весной 1868 г. барону Будбергу пришлось принять вызов полубезумного барона Р.П. Мейендорфа и выйти из-за дуэли в отставку³². Правда, гр. Шувалов в беседе с Валуевым утверждал, что «главным поводом к увольнению Будберга был не разлад с Горчаковым, а гнев самого государя, и гнев не за официальную деятельность посла, а за недостаток официальной любезности к одной даме»³³. При этом прозрачно намекалось на кн. Е.М. Долгорукову, посещавшую Париж в конце мая 1867 г. во время визита Александра II во Францию. Вполне вероятно, что Будберг, успевший к тому времени переориентироваться на гр. Шувалова, в силу своего порывистого характера мог бесцеремонно обойтись с царской любовницей, не пользовавшейся расположением шефа жандармов. В пользу этого говорит и то, что барон, несмотря на почётное назначение 20 мая 1868 г. членом Государственного совета, никогда больше не привлекался императором к каким-либо делам. В правящих кругах ему сочувствовали, но он так часто менял союзников, что едва ли мог рассчитывать на чью-то поддержку.

На рубеже 1860—1870-х гг., в тени гр. Шувалова, положение кн. Горчакова заметно укрепилось, особенно после триумфальной отмены в 1870—1871 гг. статей Парижского трактата 1856 г., ограничивавших суверенитет России на Чёрном море. Роль князя при этом сводилась преимущественно к сочинению звонких циркуляров, тогда как само решение, о котором в них сообщалось, стало возможно лишь благодаря разгрому империи Наполеона III, сближению монархов России и Пруссии, усилившемуся при подавлении польского мятежа и продолжавшемуся впоследствии (во многом вопреки профранцузским симпатиям значительной части российских дипломатов и генералов), а также позиции, занятой Александром II в самом начале франко-прусской войны, когда глава МИД ещё только возвращался с заграничного отдыха³⁴. Тем не менее

²⁹ Милютин Д.А. Воспоминания. 1865—1867. С. 365—367.

³⁰ Подробнее см.: *Экштут С.А.* Надин, или роман великосветской дамы глазами тайной политической полиции. По неизданным материалам Секретного архива III отделения Собственной е.и.в. канцелярии. М., 2001.

³¹ Дневник П.А. Валуева... Т. 2. М., 1961. С. 230—234; Граф Н.П. Игнатьев и Православный Восток. Документы, переписка, воспоминания / Публ. О.В. Анисимова и К.А. Ваха. Т. 1. М., 2015. С. 642—671. Подробнее см.: *Хевролина В.М.* Николай Павлович Игнатьев. Российский дипломат. М., 2009. С. 249—252.

³² Подробнее о Будберге см.: *Черкасов П.П.* Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856—1870). М., 2015. С. 258—326.

³³ Дневник П.А. Валуева... Т. 2. С. 266.

³⁴ О роли императора в формировании внешней политики и его разногласиях с кн. Горчаковым подробнее см.: *Захарова Л.Г.* Александр II и место России в мире // Новая и новейшая история. 2005. № 2, 4.

лавры и титул светлости достались кн. Горчакову, как и слава человека, который «точку Архимеда смог отыскать в себе самом» и вернул «нам завещанное море», «не двинув пушки, ни рубля» и проч. Ценой успехов и исключительно благоприятной международной обстановки, в которой Россия пребывала в первой половине 1870-х гг., для него оказалось проведение безальтернативного курса на тесное сотрудничество трёх восточных империй. Однако для руководства внешней политикой в рамках созданного по инициативе Александра II секретного союза трёх императоров едва ли годился министр, который, по словам царя, «не сочувствовал заключённым конвенциям, может быть, только потому, что они были заключены помимо него»³⁵. Такой упрёк, конечно, сильно упрощал позицию канцлера. Неприятие им традиций внешней политики 1830—1840-х гг. (а в союзе трёх императоров отчётливо чувствовалось возвращение к ним) было гораздо более глубоким и искренним. На него уже накладывалось и личное соперничество с кн. Бисмарком, переросшее к началу 1870-х гг. во взаимную неприязнь, и застарелая привычка видеть в австрийцах коварных недоброжелателей, если не врагов. А поскольку всё это сочеталось с упорным противодействием главы МИД расширению российских владений в Средней Азии, необходимость замены князя становилась всё более острой.

К тому же гр. Шувалов, поддерживавший с Бисмарком дружескую связь и являвшийся наиболее влиятельным сановником в Петербурге, всё чаще выполнял различные поручения за границей и вполне мог претендовать на кресло кн. Горчакова, который, по его мнению, «никогда не был человеком деловым». Позднее граф писал: «Он обладал даром слова, но всегда придерживался общих мест. Я был его сослуживцем в течение десяти лет, и ни разу я не видел, чтобы он серьёзно изучал какой-либо вопрос, будь то в области внутренних дел или даже иностранной политики»³⁶. Когда летом 1874 г. император внезапно для всех назначил бывшего уже шефа жандармов послом в Лондоне вместо старейшего русского дипломата — гр. Ф.И. Бруннова (который был лишь на год старше кн. Горчакова), в столице заговорили, что гр. Шувалов вскоре вернётся, возглавит МИД и, по примеру Германии, соединит в своих руках правительственную власть³⁷. Предположения эти не сбылись; удалившись в Англию, граф лишился прежней роли, но, безусловно, в любой момент мог заменить канцлера.

1875 г. начался для кн. Горчакова неудачно. 15 февраля скоропостижно скончался товарищ министра иностранных дел В.И. Вестман. Свой пост он занимал с 1866 г., а перед тем 20 лет, со времён гр. Нессельроде, заведовал канцелярией МИД. Это был «неразговорчивый»³⁸, в отличие от канцлера и его приближённых, почти незаметный, но и незаменимый по своему опыту чиновник, не представлявший вместе с тем ни малейшей опасности для своего начальника. Временно должность товарища в 1875 г. исправлял амбициозный П.Н. Стremoухов, почти всю свою жизнь после окончания в 1842 г. Царско-сельского лицея прослуживший в Азиатском департаменте МИД (лишь 1856—1858 гг. он провёл генеральным консулом в Рагузе) и с 1864 г. являвшийся его директором. Будучи доверенным сотрудником кн. Горчакова, с трудом ориентировавшегося в восточной политике и нуждавшегося в противовесе её автори-

³⁵ Милютин Д.А. Дневник. 1879—1881 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2010. С. 97.

³⁶ П.А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г. // Красный архив. 1933. № 4. С. 106.

³⁷ Милютин Д.А. Дневник. 1873—1875 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2008. С. 124—130; 291—292.

³⁸ Милютин Д.А. Воспоминания. 1868 — начало 1873. С. 114.

тетному знатоку Игнатьеву, Стремоухов имел все основания рассчитывать на повышение. Хотя в новом качестве он едва ли был бы удобен для канцлера и вполне мог его обойти. Но убедившись на одном из докладов, что император не намерен предлагать ему место Вестмана, Пётр Николаевич, по словам Ю.С. Карцева, «обиделся, бросил службу и уехал в деревню». К концу осени, наблюдая за нарастанием Восточного кризиса, он «успел успокоиться и одуматься» и попытался вернуться. Но князь, сославшись на предубеждённость императора, сказал, что «ничего нельзя сделать»³⁹.

К тому времени кн. Горчаков, скорее всего, уже нашёл нужного ему человека. Им оказался посланник в Стокгольме Н.К. Гирс (муж племянницы канцлера О.Е. Кантакузен), в начале декабря назначенный сразу сенатором, товарищем министра и управляющим Азиатским департаментом, где в 1838—1841 гг. начинал свою службу. 1840—1860-е гг. он провёл в Дунайских княжествах, Египте и Персии и был неплохо подготовлен к новой должности. Бывший лицеист, не имевший покровителей при дворе, но со связями в среде чиновничества среднего звена (его родной брат, член совета министра финансов, принадлежал к числу ближайших сотрудников Рейтерна), Николай Карлович выглядел как скромный, квалифицированный и трудолюбивый помощник князя, но никак не его потенциальный конкурент или преемник. И он умело поддерживал подобное впечатление. Как вспоминал Карцев, «на первых порах... самостоятельности Гирс не проявлял... Согнутый в три погибели, растерянный, он производил впечатление старца комического и беспомощного». По словам мемуариста, директор Департамента личного состава А.Ф. Гамбургер, пользовавшийся особым доверием кн. Горчакова и будто бы посоветовавший канцлеру взять Гирса в товарищи, сделал это лишь потому, что считал его «человеком слабовольным и ничтожным», и далеко не сразу увидел свою ошибку⁴⁰. Но любопытно, что назначение Гирса приветствовал в 1875 г. и Игнатьев, заявлявший даже, будто бы «именно его рекомендовал Горчакову», покидая в 1864 г. Азиатский департамент⁴¹. 19 декабря 1876 г. обедавший с Гирсом сенатор Половцов описал его в дневнике: «Говорят, не дурной и не совсем глупый человек, но какой-то запуганный, вероятно, всего больше думающий о дороговизне петерб[ургской] жизни, о нарядах жены и дочерей, о зыблестности своего собственного положения и о желании проводить время и дела без особых трудностей и неприятностей»⁴².

Однако в разгар Восточного кризиса «трудностей и неприятностей» не мог избежать ни Гирс, ни сам кн. Горчаков. Те, кто «раскачивал» в 1875—1876 гг. «славянское движение» в России, ожидали, что одним из последствий общественного подъёма станут перестановки в правительственных кругах. Канцлера это не могло не настораживать. Между тем открытое противодействие втягиванию империи в балканский конфликт или пассивность дипломатии неизбежно вызвали бы резкую критику в печати и компрометировали бы князя перед императрицей и её воинственно настроенным окружением. Тем самым он рисковал своей репутацией, а вместе с ней и постом. Вмешательство же в турец-

³⁹ Карцев Ю.С. За кулисами дипломатии // Русская старина. 1908. № 2. С. 346. Ю.С. Карцев (Карцов) — племянник генерального консула в Белграде А.Н. Карцева, выступавшего посредником между Стремоуховым и кн. Горчаковым.

⁴⁰ Карцов Ю.С. Семь лет на Ближнем Востоке. 1879—1886. Воспоминания политические и личные. СПб., 1906. С. 355.

⁴¹ Хевролина В.М. Николай Павлович Игнатьев... С. 275.

⁴² ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 11, л. 96—97.

кие дела, во-первых, требовало реалистичной программы действий (которой не было), а во-вторых, непременно выдвинуло бы на первый план Игнатьева, что совершенно не устраивало канцлера. Оставалось надеяться на то, что выход из кризиса найдут австрийцы, но в Вене внутренних противоречий было не меньше, чем в Петербурге, и ситуация только обострялась. Усугубляло её и то, что «славянские комитеты», по сути, толкавшие Россию в войну, формально находились до 1877 г. в ведении МИД, хотя фактически, после отставки и смерти Ковалевского, никем не контролировались.

В результате кн. Горчакову приходилось лавировать, его позиция то и дело менялась. Причём в правящих кругах колебания эти оценивались довольно жёстко. 30 июля Половцов после беседы с Гамбургером (который некогда преподавал ему в пансионе французский язык) писал о канцлере: «Его постоянно и неизменно занимает одно: собственная его личность, неизмеримое его тщеславие. Востока он не знает, Игнатьева ругает, болтает неумолимо, но в сущности не знает, чего хочет, если правильнее — знает, что хочет получать своё жалованье, популяризовать пред Россией и занимать первое место при дворе»⁴³.

Осенью 1876 г. в Ливадии князь держался воинственнее Игнатьева, пытаясь если не перехватить у него инициативу, то избежать невыгодных для себя разногласий и сравнений. А по возвращении в Петербург он, вместе с Рейтерном, стал рупором тех, кто выступал за сохранение мира любой ценой, что в известной мере дезавуировало действия того же Игнатьева, отправленного на Константинопольскую конференцию. Если бы кн. Горчакову удалось тогда убедить Александра II в возможности уклониться от столкновения с османами, дипломатическая карьера Игнатьева закончилась бы, скорее всего, уже в 1877 г.: вернуться в Турцию он бы не смог, а в Европе оказался бы неудобен. Лондонский протокол, согласованный при участии гр. Шувалова в марте 1877 г., практически решал эту задачу, открывая приемлемый для России путь к отступлению, не требовавший от турок никаких жертв. И лишь его отклонение султаном (уверенным, что русские ограничатся демонстрацией силы, и предпочитавшим рисковать балканскими провинциями, но не жизнью) не оставило царю выбора.

Летом и осенью 1877 г., когда Александр II находился на Дунае, канцлер, как рассказывал позднее Милютину Гирс, «проживал спокойно в Бухаресте, предавался удовольствиям старого развратника и ничего знать не хотел о делах и дипломатии», что, однако, не мешало ему срывать попытки кн. Бисмарка вступить с «русским правительством» в секретные переговоры об условиях завершения войны и возможном содействии Берлина. При этом, разглашая в печати германские инициативы, министр, не задумываясь, компрометировал своего товарища, сообщившего ему о данном предложении, сделанном «совершенно конфиденциально»⁴⁴.

Характерно, что кн. Горчаков, не имея сил сопровождать монарха в походе, не пожелал остаться в Петербурге, где при объяснениях с послами выглядел бы устранённым от принятия решений. Конечно, сдерживать растущее влияние Милютина и Игнатьева, лишь ненадолго покидавшего царскую свиту, князь из Бухареста не мог. Но если Игнатьева уже нельзя было остановить, то никто не мешал дать ему зайти слишком далеко при заключении мира. В 1886 г. Гирс говорил Милютину, что в январе 1878 г. «отправление ген[ерала] Игнатьева в

⁴³ ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 11, л. 74.

⁴⁴ Милютин Д.А. Дневник. 1876—1878 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2009. С. 634—635.

Константинополь делалось с какою-то необыкновенною поспешностью. Канцлер, который прежде не благоволил и не доверял бывшему послу, теперь вдруг почему-то вполне положился на его необычайные способности дипломатические и предоставил ему самому составить для себя инструкцию. Кн. Горчаков, даже не выдав составленного Игнатьевым проекта, доложил государю, что инструкция готова». Рассмотреть её в Азиатском департаменте не дали, а вопросы и сомнения Гирса князь с раздражением отметал⁴⁵. Поэтому трудно сказать, действительно ли гр. Игнатьев⁴⁶, как он уверял впоследствии, ничего не знал о Рейхштадтских соглашениях 1876 г. и Будапештской конвенции 1877 г.⁴⁷, или же решил, что изменившиеся обстоятельства позволяют их игнорировать, но подписанный им Сан-Стефанский трактат существенно расходился с обязательствами, принятыми на себя Россией и лично её императором накануне войны. Это дискредитировало империю перед её союзниками, грозило превратить русско-турецкий конфликт в большую европейскую войну, а самому графу создавало громкое имя, широкую популярность в России и Болгарии и одиозную репутацию в европейских столицах, где его действия ассоциировались с вероломством и экспансией. Разумеется, это сделало практически невозможным продолжение его дипломатической службы. После Сан-Стефано гр. Игнатьева кн. Горчаков мог уже не опасаться. А ведь ещё в январе 1877 г. Валуев, которого молва также прочила тогда в министры иностранных дел, провозглашал, что «наследство Горчакова по праву принадлежит Игнатьеву»⁴⁸.

Одновременно канцлер сумел удалить из Петербурга другого потенциального соперника: 18 апреля 1878 г. кн. А.Б. Лобанов-Ростовский был назначен на освободившийся пост посла в Константинополе. Он уже служил там советником, а затем посланником в 1856—1863 гг. Кн. Горчаков в то время именовал его «своим преемником». Однако в 1863 г. из-за скандальной связи с женой французского поверенного в делах кн. Лобанов вынужден был выйти в отставку и уехать в Италию. Вскоре, после смерти г-жи Буркне, он вернулся на службу, но кн. Горчаков и Стремоухов уже не желали видеть его в МИД, и ему пришлось перейти в МВД. После недолгого губернаторства Алексей Борисович с 1867 г. занимал пост товарища министра при Валуеве и А.Е. Тимашеве. Но, по свидетельству приятельствовавшего с князем Половцова, в МВД «его положение было не совсем приятное, особенно в последнее время, когда большая часть серьёзных дел была выделена очень умному, деятельному и трудолюбивому Макову»⁴⁹.

Возможно, именно поэтому сибарит кн. Лобанов с 1876 г. всё чаще проявлял интерес к зарубежным делам, в споре с товарищем шефа жандармов Н.В. Мезенцовым выражал сочувствие «славянскому движению» и М.Г. Черняеву, сблизился с окружением императрицы⁵⁰. И Тимашев, и кн. Горчаков держались в своих креслах непрочно, и кн. Лобанов по праву считался претен-

⁴⁵ Там же. С. 636—637.

⁴⁶ Его отец, с 1872 г. председательствовавший в Комитете министров, получил графский титул в декабре 1877 г.

⁴⁷ Об этом, в частности, он заявил Гирсу (*Милютин Д.А. Дневник. 1876—1878. С. 638*). См. также: Сан-Стефано. Записки графа Н.П. Игнатьева. Пг., 1916. С. 7. Однако и о соглашениях, и о конвенции упоминалось как в записках Игнатьева 1876—1877 гг., так и в его позднейших воспоминаниях: Граф Н.П. Игнатьев и Православный Восток... С. 519, 526, 532, 575, 594. Его биограф полагает, что «посла ознакомили лишь с русской записью» Рейхштадтских договорённостей (*Хевролина В.М. Николай Павлович Игнатьев... С. 283*).

⁴⁸ ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 13, с. 7.

⁴⁹ Там же, с. 194—196.

⁵⁰ Там же, д. 11, л. 46, 65—68.

дентом на место любого из них. А для почти рассыпавшегося в начале 1878 г. канцлера, всё чаще болевшего, терявшего иногда нить разговора и не раз вызывавшего у Александра II раздражение своей старческой немощью, он был особенно опасен. Между тем в этой ситуации кн. Лобанов не мог, не рискуя своим будущим, отказать императору, просившему в критический момент занять исключительно ответственный пост в Константинополе. Поэтому кн. Горчаков не только инициировал его назначение, но и добился, чтобы его посольство считалось не временным («чрезвычайным»), а постоянным, говоря: «Будете ли вы когда-либо иметь посла лучшего, чем Лобанов»⁵¹. Найти ему замену и впрямь казалось непросто, и канцлера это вполне устраивало.

Но, пожалуй, сильнее всего канцлеру грозила заметно усилившаяся активность гр. Шувалова. В марте 1877 г. он едва не предотвратил русско-турецкую войну, а в 1878 г. во многом именно благодаря ему удалось преодолеть возникший после Сан-Стефано кризис (тогда как гр. Игнатьев предсказуемо провалил в марте переговоры в Вене). Все составляющие найденного и согласованного им в Лондоне компромисса, позволявшего сохранить мир между великими державами, были одобрены в апреле и мае Александром II и его советниками⁵². На Берлинском конгрессе, в сущности, оставалось лишь их оформить и санкционировать. Кн. Бисмарк обещал гр. Шувалову содействие, благодаря которому конгресс выглядел бы триумфом русско-германского сотрудничества. После чего перемены во главе российского МИД напрашивались бы сами собой. Надо отдать должное кн. Горчакову: несмотря на крайнюю немощь, он сделал почти невозможное, чтобы сорвать данную комбинацию.

Прежде всего, вопреки недвусмысленно выраженной царской воле, он буквально вынудил Александра II, во избежание лишнего скандала, смириться с тем, что его канцлер поедет в Берлин и будет там первым уполномоченным. Это сразу же изменило позицию кн. Бисмарка: успех кн. Горчакова не входил в его планы, а чтобы избавиться от него, теперь, казалось, следовало продемонстрировать всем слабость главы русской делегации, нанеся ей чувствительное дипломатическое поражение⁵³. Тем временем разглашение в английской печати секретных соглашений между Лондоном и Петербургом (в чём гр. Шувалов в разговорах винил гр. Игнатьева⁵⁴) ударило по британским представителям и существенно сказалось на характере заседаний конгресса: вместо оглашения заранее подготовленных договорённостей они свелись к мелочному торгу и стычкам из-за деталей, не имевших принципиального значения ни для одной из сторон⁵⁵. Причём кн. Горчаков обычно предпочитал болеть, и вся тяжесть пререканий и уступок (каждая из которых требовала утверждения императором) ложилась на гр. Шувалова. Он же превращался в глазах царя и общественного мнения в главного виновника «унижения» России, вынужденной после победоносной войны оправдываться, торговаться и уступать, жертвуя престижем. Между тем никто, кроме самых одержимых приверженцев И.С. Аксакова, не желал разрыва и столкновения держав.

⁵¹ Там же, д. 13, с. 196—198.

⁵² Милютин Д.А. Дневник. 1876—1878. С. 411—434. Подробнее см.: Чернов С.Л. Россия на завершающем этапе восточного кризиса 1875—1878 гг. М., 1984. С. 74—97.

⁵³ П.А. Шувалов о Берлинском конгрессе... С. 99—100.

⁵⁴ Там же. С. 85—86.

⁵⁵ После Сан-Стефано. Записки гр. Н.П. Игнатьева с примечаниями А.А. Башмакова // Исторический вестник. 1916. № 5. С. 331.

В итоге на Берлинский трактат, выводивший Россию из сан-стефанского тупика и ни в чём не ущемлявший интересы империи, обрушились чуть ли не все. Кн. Горчаков, не без злолательства воспользовавшийся всеобщим разочарованием и негодованием для дискредитации союза трёх императоров⁵⁶, рассказывал, что подал Александру II записку со словами: «Берлинский трактат есть самая чёрная страница в моей служебной карьере». И царь будто бы приписал: «И в моей также»⁵⁷. Милютин 5 июля отмечал в дневнике, что «хотя все эти уступки разрешались верховною властью и притом признавались неизбежными, однако ж государь, по-видимому, недоволен результатом и чувствует себя как бы оскорблённым, униженным»⁵⁸. Впрочем, в разговорах, как стало известно гр. Шувалову, «как раз генерал Милютин наиболее громко высказывал своё недовольство результатами конгресса и... наиболее энергично обрушился на полномочных представителей России». При этом граф полагал, что «тот же самый Берлинский трактат не оказался бы столь непопулярным в России, а был бы принят благосклонно, если бы на нём стояла подпись Милютина»⁵⁹. Разумеется, возмущался договором и гр. Игнатьев, утверждавший, что «уступки наши нужны были Австрии и Англии преимущественно для уничтожения нашего преобладания на Балканском полуострове»⁶⁰. То, что за это «преобладание» пришлось бы воевать не только с Турцией, а сил на борьбу уже не осталось, в подобных рассуждениях стушёвывалось.

Экзальтированные демагоги, вроде Аксакова, не жалели красноречия, клеймя «это предательство, эту измену историческому завету, призванию и долгу России»⁶¹. В прессе стремительно формировался «миф о том, что именно на Берлинском конгрессе Россия потерпела дипломатическое поражение»⁶². Но этот миф, вставший на пути нового возвышения гр. Шувалова, охотно поддерживался и военным министром, и канцлером, и Гирсом, и дипломатами игнатьевского круга, и, наконец, самим императором (возможно, и тут проявилось враждебное графу влияние кн. Долгоруковой)⁶³.

⁵⁶ Подробнее см.: История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира до русско-французского союза). М., 1997. С. 217.

⁵⁷ Князь Александр Михайлович Горчаков... С. 179. Эти известные слова исследователи, как ни странно, обычно приводят именно по «рассказам», а не по самой записке: *Княгинина Н.С.* Внешняя политика России второй половины XIX в. М., 1974. С. 188; *Чернов С.Л.* Россия на завершающем этапе... С. 116; *Виноградов В.Н.* Балканская эпопея кн. А.М. Горчакова. М., 2005. С. 266.

⁵⁸ *Милютин Д.А.* Дневник. 1876—1878. С. 452.

⁵⁹ П.А. Шувалов о Берлинском конгрессе... С. 100—101. Характерно, что во время конгресса Милютин писал в дневнике: «Ужели можно было надеяться, что Европа даст нам полную волю распорядиться судьбой Оттоманской империи? Да мы и сами, начиная войну, отнюдь не имели такого притязания; если ж осуществляются те изменения в политическом и гражданском устройстве христианских областей Турции, на которые Европа уже соглашается, то результат будет громадный и России можно будет гордиться достигнутыми успехами» (*Милютин Д.А.* Дневник. 1876—1878. С. 441). Берлинский трактат вполне допускал подобную интерпретацию, весьма далёкую от мыслей о «дипломатическом поражении».

⁶⁰ После Сан-Стефано... С. 335.

⁶¹ Подробнее см.: *Цимбаев Н.И.* Речь И.С. Аксакова о Берлинском конгрессе и закрытие Московского славянского общества // Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981. С. 184—193.

⁶² Его критический анализ см.: *Рыбачёнок И.С.* Берлинский конгресс 1878 г.: мифы и реальность // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Самара, 2016. С. 173—181.

⁶³ В переписке Александра II с кн. Долгоруковой в 1876—1878 гг. живо обсуждались международные события. Подробнее см.: *Сафронова Ю.А.* Екатерина Юрьевская. Роман в письмах. СПб., 2017. С. 208—212.

Лишь поздней осенью 1878 г. до царя, императрицы, цесаревича и высшего общества дошёл одинокий голос Б.Н. Чичерина, доказывавшего, что «государственные люди, заключившие Берлинский трактат, несомненно, потеряли в России популярность, но они имеют право на благодарность всякого русского человека, который трезво смотрит на вещи и ищет в политике не искушаемых потоками крови филантропических мечтаний, а действительно достигаемых целей, при возможно меньшем кровопролитии»⁶⁴. Император во многом согласился с его доводами, но они не могли вытеснить память о бурных летних переживаниях, когда Александр II писал кн. Долгоруковой: «Признаюсь, всё во мне кипит от злости»⁶⁵.

Отправляясь на Берлинский конгресс, кн. Горчаков не мог не понимать, что не принесёт на заседаниях никакой пользы, но сильно рискует своей репутацией, которой он так дорожил. Видимо, сохранение кресла казалось ему важнее. Но, устраняя угрозу со стороны гр. Шувалова, князь окончательно уничтожил свой престиж. «Здесь он разыгрывает поистине недостойную роль, — писал А.И. Нелидов 9(21) июня из Берлина гр. Игнатьеву. — Не будучи в состоянии ходить, потеряв память, не схватывая уже смысл новых для него предложений и не различая оттенков, он говорит вкось и вкривь, горячится, важничает и путает, добавляя, таким образом, предлог к насмешкам и уже тяжкому нашему положению. К тому же ни один из наших уполномоченных никогда не видел Востока и никакого понятия не имеет, что до него касается». Покидая Германию, кн. Горчаков думал о будущем и не без хитрости говорил, что «если государь будет настаивать, он согласится сохранить должность до октября». Между тем 1(13) июля Нелидов констатировал, что «в настоящую минуту необходим более, нежели когда-либо, новый руководитель, молодой, деятельный, предприимчивый, который бы оновал на новом положении новую систему дипломатической деятельности»⁶⁶.

Но кто мог заменить канцлера в конце 1870-х гг.? Игнатьев и Шувалов оказались умело дискредитированы. Причём против гр. Шувалова было не только общественное мнение и нерасположение кн. Долгоруковой, но и заметно возросшее в 1876—1878 гг. влияние Милютина, получившего после войны графский титул. Решение проблем, с которыми сталкивалась тогда Россия, как никогда требовало слаженной работы военного и дипломатического ведомств. Кн. Горчаков для этого не годился, и на совещаниях у императора его функции всё чаще переходили к гр. Игнатьеву, а затем к Гирсу. Оба они признавали первенство Милютина и ориентировались на него в своих действиях. Назначение же министром иностранных дел гр. Шувалова — главного антагониста военного министра, восемь лет всеми силами добивавшегося его отставки, опрокинуло бы уже почти налаженную работу. Александру II пришлось бы формировать внешнюю политику, имея ближайшими сотрудниками людей не просто разных взглядов, но глубоко ненавидевших и подозревавших друг друга в самых худших намерениях. Вскоре императору всё равно пришлось бы выбирать между ними.

⁶⁴ ГА РФ, ф. 1154, оп. 1, д. 42, л. 24. О записке Б.Н. Чичерина и царских пометах на ней см.: Сказкин С.Д. Дипломатия А.М. Горчакова в последние годы его министерства // Сказкин С.Д. Избранные труды по истории. М., 1973. С. 414—422; Чернов С.Л. «Берлинский мир перед русским общественным мнением» (об одной историографической ошибке) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1997. № 1. С. 3—20.

⁶⁵ Цит. по: Сафронова Ю.А. Екатерина Юрьевская... С. 211.

⁶⁶ После Сан-Стефано... С. 332, 334.

Нелидов летом 1878 г. считал, что «самый серьёзный кандидат» на роль руководителя МИД — кн. Лобанов. Возможно, Александр Иванович надеялся, что тогда освободится пост посла в Константинополе, на который он мог бы претендовать сам. Князь, похоже, уже предвкушал вступление в новую должность. Во всяком случае, дружески беседовавший с ним в мае 1879 г. на Босфоре Половцов отметил, что «очень занят он судом потомства». Тогда же сенатор писал: «Весьма вероятно, что Л[обанов] будет преемником Горчакова»⁶⁷. Лишь гр. Милютин в те дни «догадывался» о намерении царя перевести кн. Лобанова на место гр. Шувалова, просившего об увольнении. Характеризуя князя, просидевшего у него более часа, военный министр 8 мая признал: «С ним вести дело приятно, он человек живой, хотя несколько поверхностный». В ноябре ему даже казалось, что «князь Лобанов будет нулём в Лондоне»⁶⁸.

Отправляя кн. Лобанова в апреле 1878 г. в Турцию, а в октябре 1879 г. — в Англию, Александр II сулил ему в скором времени портфель кн. Горчакова⁶⁹. Половцов в декабре 1879 г. не без иронии утверждал, что «Лобанов, благодаря своей особенной сдержанности и умению молчать, как скоро идёт речь о чём-нибудь серьёзном, независимо от услуг, оказанных им в Константинополе, приобрёл особенное расположение государя; неоднократные пребывания его в Ливадии за последний год особенно сблизили его с государем, который любит в окружающих его отсутствие чего бы то ни было выдающегося». Правда, «по счастью, на этот раз эта внешняя бесцветность прикрывает не пустоту или пошлость, как это обыкновенно бывает, а несомненный ум, честность и даровитость, не без примеси, впрочем, сильного легкомыслия и привычки валить с плеча». Но и в этом отношении «полутораговое пребывание в Константинополе, полное труда и ответственности, много укрепило в нём хорошие стороны его ума и характера, ослабив всё, что в нём умножила петербургская праздность и мелочность суетной чиновнической, полупридворной жизни»⁷⁰.

В ходе общения с императором у кн. Лобанова сложилось стойкое впечатление, что «государь ненавидит и Горчакова, и Шувалова». И хотя «последнего не приглашают больше ни на какие советы, но участие первого в делах приносит им большой вред». Князь будто бы даже делился своими наблюдениями с гр. Милютиным, и они «решились высказать эту мысль государю». Вместе с тем, как отмечал Половцов, «Лобанову сделать это труднее, потому что в нём всякий заподозревает желание наследовать Горчакову»⁷¹. Судя по всему, и военный министр не стал напрямую говорить с Александром II про «этот щекотливый предмет»⁷². Характерно, что, выжидая своего часа, кн. Лобанов добивался расположения гр. Милютина, демонстрируя, в частности, готовность содействовать осуществлению его планов в Средней Азии, чему обычно препятствовал кн. Горчаков⁷³.

Однако к осени 1880 г. кн. Лобанов незаметно растерял имевшиеся у него шансы. Во всяком случае, в конце сентября в беседе с Половцовым министр внутренних дел гр. М.Т. Лорис-Меликов, оказывавший тогда преобладающее

⁶⁷ ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 15, с. 14.

⁶⁸ Милютин Д.А. Дневник. 1879—1881. С. 62, 113.

⁶⁹ Рыбачёнок И.С. Министр иностранных дел России А.Б. Лобанов-Ростовский // Новая и новейшая история. 1992. № 3. С. 97.

⁷⁰ ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 15, с. 114—115.

⁷¹ Там же, с. 129—130.

⁷² Милютин Д.А. Дневник. 1879—1881. С. 98—99.

⁷³ Там же. С. 133—134.

влияние на перестановки в правительственных кругах, скептически отзывался о возможности назначения князя главой МИД. Граф упомянул, что «имеет с Лобановым теперь постоянные сношения», но «очень он лёгок и поверхностен». Фактически это было повторением оценки гр. Милютина. Да и сам гр. Лорис-Меликов не скрывал, что старался избегать разногласий с военным министром, даже когда их мнения о внешней политике расходились⁷⁴.

Формально кн. Горчаков вновь удержался на своём посту. Но на сей раз ценой его сохранения стало фактическое отстранение канцлера от реального руководства дипломатическим ведомством. Окончательный перелом произошёл, видимо, осенью 1879 г., когда кн. Горчаков отдыхал за границей, Александр II находился в Ливадии, где его сопровождали среди прочих гр. Милютин и Гирс, а кн. Бисмарк, обостривший перед тем до предела русско-германские отношения и заставивший Вильгельма I заключить оборонительный союз с Австро-Венгрией, инициировал переговоры с Петербургом о возобновлении соглашения между империями. Ещё летом кн. Бисмарк, обедая с русским посланником в Афинах П.А. Сабуровым, начал жаловаться на действия кн. Горчакова во время войны. Когда же Александр II по совету гр. Милютина и Гирса проявил интерес к продолжению этих бесед и стали вырисовываться контуры возможного договора, в Ливадии было «признано необходимым всё это дело держать в совершенной тайне от нашего канцлера и Министерства иностранных дел». На словах кн. Бисмарк «даже выразил готовность встретиться с князем Горчаковым и предать забвению прошлые размолвки». Но гр. Милютин и Гирс убедили императора в том, что «если ведение дела будет поручено настоящему нашему послу в Берлине, под высшим руководством князя Горчакова, то... лучше вовсе и не начинать». К тому времени Александр II уже не раз отзывался о канцлере «как о человеке, выжившем из ума и впадшем в детство». По мнению же военного министра, «князь Горчаков так отстал от дел и так ослабел умственными способностями, что даже опасно допустить его входить в серьёзные разговоры с Бисмарком». Поэтому было решено направить Сабурова послом в Берлин с тем, чтобы руководство его деятельностью осуществлялось лично царём при участии гр. Милютина и Гирса (в Ливадии к составлению инструкций привлекался и кн. Лобанов)⁷⁵.

После этого роль кн. Горчакова в МИД стала сугубо номинальной. В ноябре, при первой встрече со своим товарищем в Петербурге, князь «хотел было озадачить Гирса, приняв грозный, начальственный тон; по словам Гирса, произошла сцена довольно бурная: Гирс разгорячился, поднял голос, и канцлер укротился». Император хотя и делал вид, «как будто не замечает слабоумия князя Горчакова», но, по сути, его игнорировал. Между тем болезнь прогрессировала, и в конце мая 1880 г. Александр Михайлович уехал за границу лечиться, избавив Гирса «от необходимости исполнять личные приказания государя украдкой от своего прямого начальника, дабы не раздражать старика и беречь его, как балованного ребёнка»⁷⁶.

Создавшееся положение, по-видимому, устраивало всех. «Государь, — по словам Милютина, — уже привык смотреть на себя как на настоящего министра иностранных дел и, без сомнения, Гирсу останется по-прежнему скром-

⁷⁴ ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 17, л. 79—81.

⁷⁵ Милютин Д.А. Дневник. 1879—1881. С. 76—77, 87—106. Подробнее см.: Сказкин С.Д. Конеч австро-русско-германского союза. М., 1974. С. 87—152.

⁷⁶ Милютин Д.А. Дневник. 1879—1881. С. 112, 200.

ная роль секретаря, на котором лежит редактирование депеш по указаниям государя, да по временам личные объяснения с иностранными дипломатами»⁷⁷. Но именно в этом качестве Гирс был исключительно удобен для Александра II и ловко подлаживался под его привычки и прихоти. В Ливадии, когда император желал заниматься делами, а дипломатической почты не было, он выдумывал проекты депеш и т.п.⁷⁸ Заменяя кн. Горчакова в 1878—1879 гг., постепенно он стал привычен и необходим для монарха. Гр. Милютин, называвший Гирса «негласным работником» МИД, относился к нему с уважением и симпатией. Они сблизились ещё в 1876 г., а в 1878—1880 гг. в Ливадии «были почти неразлучны»⁷⁹. Мировоззренчески и психологически просвещённый бюрократ Гирс был гораздо ближе военному министру, чем, к примеру, кн. Лобанов — светский аристократ и многолетний сотрудник Валуева, Тимашева, гр. Шувалова. Наконец, уязвимость позиции делала Гирса сговорчивее, тогда как тот же кн. Лобанов мог бы держаться более самостоятельно, а при возникновении разногласий даже пойти на конфликт с гр. Милютиным. После бесконечных пререканий с кн. Горчаковым Дмитрий Алексеевич ценил установившееся между ним и Гирсом взаимопонимание и сотрудничество, которое обеспечивало графу доминирующее влияние на внешнюю политику. Но и Гирс извлекал из такой ситуации максимальную выгоду: ещё в начале 1878 г. в случае отставки кн. Горчакова он не имел никаких шансов занять его пост, но с каждым годом управления министерством его значение быстро росло, и к 1881 г. он фактически уже являлся преемником князя — при Александре II и гр. Милютине он легко обошёл бы других соперников. Для канцлера же Гирс, как ни странно, также оказался оптимальной фигурой, заинтересованной в том, чтобы выиграть время, откладывая окончательную отставку министра.

Сталкивались ли при этом некие «группировки», объединённые различными внешнеполитическими концепциями? И были ли они вообще? К примеру, заключение союза с Германией действительно поддерживали и гр. Шувалов и гр. Милютин, находившиеся в состоянии давней вражды, и соперничавшие Сабуров и Гирс. Но никакой сколько-нибудь единой «группировки», сопоставимой хотя бы с «русской партией» 1860-х гг. или с «шуваловской партией» начала 1870-х гг., они, конечно, не составляли. Более того, именно гр. Милютина в Берлине считали главным противником Германии в России⁸⁰.

Ещё труднее отыскать в то время «профранцузскую группировку». Конечно, симпатии к Франции были достаточно сильны среди русских военных и дипломатов второй половины XIX в. Их разделяли и кн. Горчаков, и гр. Милютин и его ближайший сотрудник конца 1870-х гг. Н.Н. Обручев (оба женаты на француженках), и многие другие. Но, кажется, все отчётливо понимали, что ослабленная франко-прусской войной и политическими кризисами Франция не могла выступать тогда сколько-нибудь надёжным союзником. 8 октября 1879 г. Обручев писал гр. Милютину: «Посещая часто Францию, я никогда не видел её в таком неустойчивом положении, как ныне. Смятение в умах невыразимое. Желали-желали республики. Но стали в её главе буржуа-адвокаты, и для большинства общества она сделалась ненавистной». Поэтому какие-либо ответственные соглашения с Парижем в обозримом будущем

⁷⁷ Там же. С. 200.

⁷⁸ ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 15, с. 210.

⁷⁹ Милютин Д.А. Дневник. 1891—1899 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2013. С. 348—349.

⁸⁰ Бисмарк О. Указ. соч. Т. 2. С. 216.

признавались невозможными: «Постоянные перемены правительств создали страшное фарисейство, усилили до крайности эгоизм, подточили патриотизм. Только прочная, проведённая через несколько поколений правительственная система в состоянии будет излечить эти недуги»⁸¹.

За М.Д. Скобелевым никакой «партии» ни в Военном министерстве, ни в войсках не стояло. Несмотря на незаурядные качества, проявленные в 1877—1878 гг., и широкую популярность, генерал пользовался в правительственных сферах весьма незавидной репутацией. В мае 1879 г., расспросив служащих и посетителей русского посольства в Константинополе, Половцов заключал: «О Скобелеве у всех один отзыв. Умён, храбр, ловок на фокусы и штучки, лжец, обманщик, не заслуживает ни доверия, ни уважения»⁸². Гр. Лорис-Меликов уже после смерти Михаила Дмитриевича вспоминал, как тот, обидевшись на Александра III, «пошёл нести какую-то нервную ахинею», намекая на готовность совершить переворот силами своего корпуса. Сам же граф полагал, что «Скобелев был беспокойный ум, без принципов» и «это мог быть роковой для России человек — умный, хитрый и отважный до безумия, но совершенно без убеждений»⁸³. Гр. Валув в начале 1882 г. также иронически отмечал, что Скобелев «начинает походить на испанского генерала с будущими *pronunciamentos* в кармане»⁸⁴. Но до возвращения в 1881 г. из Ахалтекинской экспедиции никаких громких политических заявлений генерал себе не позволял.

Вообще в конце 1870-х гг. военный министр контролировал своё ведомство, как никогда ранее. От «оппозиции», действительно существовавшей в нём на рубеже 1860—1870-х гг., не осталось и следа. Кн. А.И. Барятинский, на которого она тогда опиралась, весной 1878 г., по сути, примирился с Милютиным и его окружением, а 25 февраля 1879 г. генерал-фельдмаршала не стало. Престиж Милютина за время войны заметно вырос, тогда как авторитет его оппонентов, напротив, оказался подорван. М.Г. Черняев, связавшийся в 1875—1876 гг. со славянскими комитетами, был дискредитирован своей сербской авантюрой, перечеркнувшей славу покорителя Ташкента. Р.А. Фадеев, всегда вызывавший у славянофилов недоверие, теперь убеждал Милютина в своей лояльности, искал расположения гр. Лорис-Меликова и служил посредником между ним и гр. И.И. Воронцовым-Дашковым. Летом 1881 г., после отставки гр. Милютина, Фадеев вновь попытался инициировать пересмотр военных реформ 1860—1870-х гг., но его идеи не нашли поддержки ни у нового министра П.С. Ванновского, ни у большинства генералов, обсуждавших планы реорганизации управления вооружёнными силами в комиссии под председательством гр. П.Е. Коцебу (в том числе, кстати, и у Скобелева)⁸⁵. Если «славянофильская общественность» и связывала на рубеже 1870—1880-х гг. какие-либо надежды с гр. Игнатьевым, кн. А.М. Дондуковым-Корсаковым или гр. Э.И. Тотлебенем,

⁸¹ ОР РГБ, ф. 169, к. 71, д. 61, л. 22—23. Подробнее см.: Айрапетов О.Р. Забытая карьера «русского Мольте». Николай Николаевич Обручев (1830—1904). СПб., 1998. С. 212—223; Рыбачёнок И.С. «Первая наша забота — стоять твёрдо в Европе» // Армия и флот в геополитических интересах России. М., 2019. С. 123—124.

⁸² ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 15, с. 18.

⁸³ Кони А.Ф. Граф М.Т. Лорис-Меликов // Кони А.Ф. Собрание сочинений в 8 т. Т. 5. М., 1968. С. 200—201.

⁸⁴ Валув П.А. Дневник. 1877—1884 / Под ред. В.Я. Яковлева-Богучарского и П.Е. Щёголева. Пг., 1919. С. 181.

⁸⁵ Подробнее см.: Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. 1881—1903. М., 1973. С. 92—102; Кузнецов О.В. Р.А. Фадеев: генерал и публицист. Волгоград, 1998. С. 111—156.

то этого всё же было совершенно недостаточно для образования «влиятельной группировки». Каждый из этих сановников действовал вполне самостоятельно и, в сущности, их мало что объединяло, кроме того, что в 1879—1881 гг. все они оказались на генерал-губернаторских должностях и в стороне от внешней политики.

Катастрофа 1 марта 1881 г., казалось, изменила всё. Александра III с Гирсом ничего особо не связывало. Графы Милютин и Лорис-Меликов вскоре покинули правительство. Ненадолго вновь возшла звезда гр. Игнатьева, к которому недоверчивый самодержец выражал в 1881—1882 гг. исключительное расположение. Друг молодости нового императора кн. Н.А. Орлов с 1871 г. занимал пост посла в Париже и вовсе не считал это вершиной своей карьеры. По темпераменту царю были ближе увлекающиеся Нелидов или Сабуров, а не осторожный Гирс. Но именно Николай Карлович лучше всех соответствовал тем критериям, которых придерживался Александр III, подбирая себе министров. Конфликт императора со сторонниками либеральной программы гр. Лорис-Меликова объяснялся не столько их мнимыми «конституционными» стремлениями, сколько его опасением попасть «в лапы» своих более компетентных, опытных, ловких и авторитетных советников, способных навязать ему собственную политику и лишить возможности править по-своему, а не в строгом соответствии с тем или иным, пусть даже им самим одобренным планом⁸⁶. Поэтому во главе министерств он предпочитал видеть либо чиновников, отличавшихся сравнительно мягким характером (Н.Х. Бунге, П.С. Ванновский, Н.К. Гирс, И.Д. Делянов, И.Н. Дурново, А.С. Ермолов, М.Н. Островский, Д.М. Сольский), от которых трудно было ожидать какого-либо давления, либо людей, изначально чуждых бюрократической среде (И.А. Вышнеградский, С.Ю. Витте) или находившихся в остром конфликте со значительной её частью (гр. Д.А. Толстой).

Но и в международных делах Александр III рисковал оказаться орудием и заложником чужой «системы». Желая избежать этого, он так и не подпустил к ним гр. Игнатьева, отстранил от них Сабурова, не приближал к себе ни кн. Орлова, ни Нелидова. Кроме того, давала о себе знать и грубость суждений самодержца, склонного резко разочаровываться в тех, кто прежде пользовался его благоволением. Жертвой подобной «переоценки» стал, в частности, кн. Лобанов. Если в апреле 1878 г. цесаревич поддерживал его возвращение на дипломатическую службу, то в 1886 г. император, наблюдая за деятельностью князя, переведённого в 1882 г. в Вену, решил, что он «обленился» и «плохо отстаивает наши интересы», из чего тут же следовал вывод: «Не пора ли подумать о другом назначении». И лишь по просьбе Гирса эта резолюция осталась без последствий⁸⁷.

В Гирсе же Александр III, как сам царь однажды признался М.Н. Каткову, видел лишь «флюгер», лишённый всякого самостоятельного значения и потому не вызывавший никаких подозрений. Впрочем, и некоторым подчинённым он запомнился как «министр-бюрократ, министр “чего изволите”», министр на

⁸⁶ Подробнее см.: *Мамонов А.В.* «Неожиданный и непонятный для большинства современников»: манифест 29 апреля 1881 г. и либеральная бюрократия // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 1(5). С. 88—106.

⁸⁷ *Милютин Д.А.* Дневник. 1876—1878. С. 417; Дневник В.Н. Ламздорфа (1886—1890) / Под ред. Ф.А. Ротштейна. М.; Л., 1926. С. 6. Подробнее об отношении Александра III к кн. Лобанову см.: *Рыбачёнок И.С.* Министр иностранных дел России... С. 97—98.

побегушках» — «при абсолютном монархе»⁸⁸. Более того, даже гр. Милютин, узнав о смерти Гирса, 18 января 1895 г. признал: «Николай Карлович не отличался твёрдостью характера, стойкостью убеждений, ни дипломатической прозорливостью; но привлекал к себе мягкостью форм, скромностью, ровностью в обращении и честностью как в личных отношениях, так и в исполнении служебных обязанностей... Но оба императора... одинаково смотрели на своего министра иностранных дел не как на ответственного руководителя внешней политикой империи, а только как на своего верного секретаря... В этом отношении Александр III шёл по стопам своего предшественника и вёл самолично внешнюю политику»⁸⁹.

В первый год царствования Александр III, похоже, присматривался к Гирсу и не задумывался о переменах в МИД. Кн. Горчаков летом 1881 г. ненадолго приезжал в Россию, но гр. Игнатьев, возглавлявший тогда МВД, отговорил его подавать в отставку. Судя по всему, граф ещё надеялся вскоре вернуться в гораздо лучше ему знакомое ведомство⁹⁰. Между тем в начале 1882 г. император убедился, что отсутствие полноправного министра иностранных дел провоцирует, вопреки официальным декларациям и конвенциям, толки о надвигающейся войне, которую будто бы не то готовил, не то предсказывал гр. Игнатьев. Даже в эпатажных речах Скобелева в Париже перед сербскими студентами о неизбежности столкновения немцев с союзом французов и славян усматривали «результат соглашения с гр. Игнатьевым, г. Аксаковым и К°» или, по меньшей мере, «московско-игнатьевских внушений». В марте Скобелев, срочно вызванный после скандала в Петербург, толковал в Английском клубе с гр. Валуевым о том, что «возбуждением воинственного патриотизма можно парализовать и даже подавить нигилизм», а «война будто нужна для восстановления “престижа” династии, утраченного вследствие её роли в минувшую войну». Дружбы с гр. Игнатьевым он не скрывал, хотя, конечно, только вредил ему своими заявлениями⁹¹.

В этой атмосфере продолжались интриги дипломатов. Трения и «рознь» между Сабуровым и Гирсом возникли ещё в декабре 1879 г. Но тогда их сдерживал гр. Милютин, на которого оба они ориентировались, периодически жалующься ему друг на друга. После отставки и отъезда графа в Крым, «видя колебания государя в выборе преемника князю Горчакову, Сабуров дожидался смерти нашего канцлера, считая себя кандидатом на этот пост». Определённым основанием для «честолюбивых надежд» служила его роль в возобновлении в 1881 г. союза трёх императоров и личное расположение к нему кн. Бисмарка⁹². Впрочем, Александра III это могло лишь отпугнуть: потребности в «русском Бисмарке» он не испытывал. К тому же Сабуров был известен как «карьерист в полном смысле слова, жертвующий всем для успешного повышения». Как утверждал Половцов, «он долго был секретарём Бруннова в Лондоне и остался его сердечным подражателем, с тою разницею, что Бруннов б[ыл] несравненно

⁸⁸ Карцов Ю.С. Семь лет на Ближнем Востоке... С. 359, 385.

⁸⁹ Милютин Д.А. Дневник. 1891—1899. С. 349. Ср. весьма схожий отзыв С.Ю. Витте: Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания / Публ. Б.В. Ананьича, Р.Ш. Ганелина, С.В. Куликова, С.К. Лебедева и И.В. Лукоянова. Т. 1. Ч. 1. СПб., 2003. С. 342—343, 416—417.

⁹⁰ Дневник Е.А. Перетца (1880—1883) / Публ. А.А. Сергеева. М.; Л., 1927. С. 86—87.

⁹¹ Там же; Валуев П.А. Дневник. 1877—1884. С. 183—189.

⁹² Милютин Д.А. Дневник. 1879—1881. С. 123; Милютин Д.А. Дневник. 1882—1890 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2010. С. 125—126, 133—134.

его даровитее, и Сабуров остался при уловочках, штучках, ухищрениях, несравненно менее обильных содержанием. Его карьере сделало в особенности подобострастие его пред князем Горчаковым, а также то обстоятельство, что Сабуров по старшинству стоял пред сыном Горчакова, так что для повышения последнего приходилось повышать Сабурова»⁹³. О широких геополитических замыслах посла, стремившегося к установлению русского контроля над Босфором и Дарданеллами и к новому Ункяр-Искелесийскому договору⁹⁴, сенатор явно не догадывался.

Так или иначе, простейшим способом отровергнуть слухи, пугавшие публику в России и Европе, отмежеваться от воинственных речей и нормализовать внутриведомственные отношения являлось увольнение кн. Горчакова и назначение Гирса министром, состоявшееся на Пасху, 28 марта 1882 г. По словам гр. Милютина, «назначение Гирса должно было всех успокоить: всем был он известен за человека честного, спокойного, миролюбивого, чуждого всяких односторонних, национальных и тщеславных порывов». И прежде всего оно должно было устранить сомнения «берлинского двора» в стабильности положения России и её внешней политики⁹⁵. Рядом с императором, склонным к резким суждениям и поворотам, вплоть до конца царствования оставался надёжный «секретарь», исподволь приучавший своего повелителя к выдержке и осторожности.

⁹³ ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 15, с. 121—122.

⁹⁴ Подробнее см.: *Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза. С. 123—152.

⁹⁵ *Милютин Д.А.* Дневник. 1882—1890. С. 127—128.